

ШЕДЕВРЫ ФЭНТЕЗИ

ТАНЕЦ
МАРИОНЕТОК

18+

ТОМАШ НИЗИНЬСКИЙ

Томаш Низиньский

Танец марионеток

Серия «Шедевры фэнтези»

Текст предоставлен правообладателем

<https://litres.ru/63450191>

Танец марионеток / Томаш Низиньский: АСТ; Москва; 2020

ISBN 978-5-17-121783-9

Аннотация

<p>Офицер Исевдрил Норгаард вместе со своим полком наемников прибывает в отдаленную провинцию Каэлларх, недавно завоеванную королевством Эрея. Они должны поддерживать тут мир и порядок, но местные захватчиков ненавидят, так что ни о порядке, ни о мире речи не идет. К тому же полку поручено уничтожить организацию каэллархских повстанцев, таинственный Круг, и наемники, ведя расследование, не гнушаются ни пытками, ни убийствами. Сам Норгаард меж тем впутывается в сложный многоступенчатый заговор, в котором участвуют и местная знать, и эрейские военачальники, и даже присланный из столицы некромант. Постепенно верховная власть закручивает гайки, назревает бунт, но никто еще не знает, что этот болотистый, лесистый и отсталый край таит немало сюрпризов, а некоторые из них кошмарны настолько, что вся человеческая жестокость по сравнению с ними – лишь детские фантазии.</p><p><emph>Содержит нецензурную брань!</emph></p>

Содержание

Глава 1	4
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Томаш Низиньский

Танец марионеток

Глава 1

Мне нечего сказать в свое оправдание. Мое поведение не поддается никакому анализу и рациональному объяснению. Да, вы наверняка много раз слышали все эти байки... Наёмный убийца – его воспитала улица, а начинал он с мелких краж, чтобы не умереть с голоду. Бессовестный и циничный политик – в детстве на его глазах захватчики жестоко убили отца. Отравительница – жизнь полетела под откос, когда в результате пожара погибла ее семья. Звучит знакомо, не правда ли? Трагедии прошлого могут иметь далеко идущие последствия.

В моей биографии ничего такого вы не найдете. Нет в ней психической травмы, которая вынудила меня свернуть на скользкую дорожку и хотя бы частично оправдывает мои поступки. Моя семья не была ни богата, ни бедна, и, насколько мне известно, у нее по-прежнему всё хорошо. Ни одно трагическое событие не омрачило моей юности. Собственно, я даже горжусь тем, что сделал выбор самостоятельно. Никто не толкал меня на этот путь, я избрал его сам. Просто в один прекрасный солнечный день я решил отказаться от

комфортной, законопослушной жизни и все просрать. И если хорошенько подумать, это на самом деле прекрасно. Поистине триумфальная победа свободной воли над социальным детерминизмом.

Как говорил один мой знакомый бард, в любой истории должен присутствовать злодей, и если в моей истории такого нет, значит, этот злодей – я сам. Я же смотрю на мир несколько проще: на своем пути мы встречаем только два типа людей – тех, кого можем столкнуть с дороги, и тех, кого нам приходится обходить. И хотя порой мне нравится представлять себя в этой истории большим злобным волком, всё же я не заслужил такого звания. Что же касается моральных качеств... можно ли винить пешку за то, что ей пришлось играть на стороне черных?

Повествования о тех, кто зарабатывает или когда-либо зарабатывал себе на жизнь мечом, начинаются обычно с банальной фразы типа: «Он покинул родной дом в поисках приключений». Терпеть не могу этого слова – «приключения». От него за версту несет наивностью детских сказок и героических эпосов, сочиненных сказителями в тепле и уюте домашнего очага. Нас соблазняют обманчивым миражом далеких путешествий, великолепных стран и непередаваемых ощущений, совершенно обходя вниманием блевотину, летящую за борт во время шторма, отвратительную жратву, вызывающую кровавый понос, гнойные раны и берущий за горло страх, который чужд только глупцам. За каждой славной

раной, полученной в бою, прячется гангрена, за каждой ночью, полной страсти, – постыдная болезнь, и каждому непередаваемому ощущению предшествуют дни, если не недели, нервного ожидания.

Основную массу искателей приключений составляют люди, так и не нашедшие ни одного приключения. Если же кому-либо из этих экзальтированных кретинов всё же удастся его отыскать, они быстро убеждаются, что подписывались на что-то совершенно иное. Но к этому времени, конечно, становится слишком поздно. Выражение «искатель приключений», по большому счету, можно отнести лишь к сопливым юнцам, потому что те, кто успел познать это сомнительное удовольствие, получили урок и новых впечатлений больше не ищут, разве что у них нет никакого выбора. Таких людей, отчаянных и прожженных, мы называем ветеранами.

Если, услышав это вступление, вы боитесь, что моя история окажется скучным рассказом человека, который всегда совершал правильный выбор и прожил долгую, спокойную жизнь в достатке и безопасности, то позвольте вас разочаровать. Вся моя мудрость крепка задним умом, и поверьте, несмотря на мой нынешний старчески-назидательный тон, я был полнейшим кретином, когда принимал решения, направлявшие меня именно по тому, а не иному пути. В те времена мне нельзя было доверять что-либо ответственное. А поскольку все любят слушать истории о людях глупее, чем они сами, думаю, вам понравится мой рассказ.

Повсеместно в мире сложилось убеждение, что войны делятся на победителей и побежденных. Это, конечно же, полный бред. Истина состоит в том, что войны делятся на живых и мертвых. Неважно, насколько ты хорош в бою и как долго тебе везет, но просто невозможно в каждой битве оказываться на стороне победителей. Рано или поздно армии, за которую ты сражаешься, зададут хорошую трепку, и она разделится на тех, кто успел смыться с поля боя на своих двоих, и тех, кто остался лежать на этом поле навсегда. Человек нашей профессии быстро познает, в чем суть: не столь важно выиграть битву, сколько спасти свою задницу, независимо от результата сражения. И тем, что всё еще топчу землю, я обязан особому таланту в этом деле. Ни меня самого, ни подобных мне не стоит считать героями или искателями приключений – мы настоящие мастера переживать несчастья.

Меня зовут Исевдрик Норгаард, и мое труднопроизносимое имя выдает уроженца северного края, который вы, в своем континентальном высокомерии, именуете Другим Берегом. Еще подростком я начал ездить с торговыми караванами, но всего один болт, выпущенный из арбалета и попавший не в того человека, загнал меня в чащобу, и я, скрываясь от правосудия, стал промышлять на большой дороге. Позднее был солдатом, дезертиром и наемником, вешающим дезертиров вдоль дорог. Не думаю, что этот ранний, юношеский период моей карьеры особо вам интересен, и по большому счету можно без особых потерь для повествования свести

его к нескольким уродливым шрамам, мошне, набитой монетами разной чеканки, и одной очень неприятной венерической заразе. Так или иначе, путь, преодоленный мной в первые десять лет, привел меня в исходную точку этой истории – отвратительный город под названием Д’уирсэтх, где был расквартирован наемный Седьмой полк, в котором я служил в звании поручика. Это место отличалось исключительно дрянной погодой и не менее дрянными жителями. Стало быть, мы находились в полной заднице – с географической точки зрения.

«Д’уирсэтх» – так должно звучать последнее слово человека, подавившегося куриной костью, а не название довольно крупного города. И всё же это словечко хорошо отражает особенности речи местного населения, которая сплошь состоит именно из такого харканья и кашля. Благодаря врожденной способности к языкам я довольно быстро освоил это гортанно-булькающее наречие, но большинство моих собратьев из Седьмого полка упорно отказывались выучить даже основные слова и общались лишь на официальном эрейском языке, что не очень-то нравилось местным жителям. Не то чтобы это имело для нас какое-то значение. Аборигены и так нас ненавидели, а значит, вряд ли мы могли еще сильнее ухудшить ситуацию, и неважно, насколько открыто демонстрировали презрение к их языку и культуре.

Д’уирсэтх – крупнейший город и столица Каэлларха, пограничной провинции королевства Эреи. Прежде чем по-

пасть сюда, я провел немного времени в высокоразвитых торговых городах побережья, где дороги широкие и мощные, движение колесниц и упряжек строго регулируется общепринятыми правилами, а помои выливают только в предназначенные для этого места и только в установленное городским советом время. В Д'уирсэтхе, напротив, отношение к помоям куда свободнее – то есть выливают их в любом месте и в любое время. Преимущественное право проезда рассматривается исключительно в категориях скорости и физической силы. А что до мощеных дорог... Только один раз мне довелось в этом городе увидеть булыжник на дороге, и то он оказался там после того, как отскочил от головы городского после меткого броска какого-то малолетнего обормотца. Вершиной возможностей Д'уирсэтха в области дорожно-инфраструктурного строительства являются, без сомнения, две доски, перекинутые через лужу.

Климат в Каэллархе я бы определил как умеренно дерьмовый. Солнце появляется редко, а большую часть времени царит холодная, ветреная и дождливая погода, располагающая прежде всего к пребыванию в тавернах и борделях. К сожалению, такие формы отдыха редко были нам доступны, поскольку враждебное отношение местных жителей заставляло постоянно оглядываться, опасаясь удара ножом в спину. Законы гостеприимства, как правило, не распространялись на нас, а плевков под ноги или болт, выпущенный из-за угла, были стандартной формой приветствия. Неприязнь

туземцев, впрочем, вполне взаимная, ни в коей мере не была безосновательной.

Дело в том, что мы, Седьмой полк, находились на службе королевства Эреи, которое столетия назад завоевало суверенный Каэлларх. И с тех пор продолжалась оккупация региона, а случавшиеся раз в несколько лет восстания туземцев, добивавшихся независимости, каждый раз жестоко подавлялись. Впрочем, более ранняя история взаимоотношений Каэлларха и Эреи тоже не несла в себе признаков мирного сосуществования; по большому счету она состояла из двух поочередно сменявших друг друга фаз: войны и подготовки к войне... Языковые, культурные и политические различия между странами подогревали конфликт, а пожары на границе никогда не гасли. Каста воинов, иногда именуемая Кругом, до эрейского завоевания правившая в Каэллархе, постоянно бросала вызов Королевству. Однако из-за критической разницы в размерах территории и численности населения напрашивалось сравнение с мышью, бросающей вызов коту. К тому же в этой метафоре кот, помимо когтей и зубов, обладал богатыми залежами ресурсов, передовой техникой обработки металлов и логистически развитым тылом, позволявшим вести длительные кампании на враждебных землях.

Если кого-то жители Каэлларха ненавидели больше, чем солдат Эреи, то это были наемные подразделения на службе Королевства. Поэтому если боец Седьмого полка и выходил в город, то только в полной экипировке и в компании

нескольких вооруженных сослуживцев, и где бы ни находился, всегда сидел у двери, спиной к стене. Когда командование спрашивало о настроениях в частях, офицеры часто использовали формулировку «низкий моральный дух». В ответ на тот же вопрос бойцы использовали несколько иные выражения, но почти всегда они содержали слово «блядь» в той или иной форме. Тем не менее первые восемь месяцев нашей службы в Дуирсэтхе прошли относительно спокойно, хотя и не очень приятно. Но вот однажды в типичный для Каэлларха отвратительный и ветреный день начались неприятности. А все из-за того, что Ифрит был настоящим сукиным сыном.

* * *

– Это не значит, что я желаю Ифриту зла, – терпеливо объяснял Считала. – Я просто говорю, что когда мне не спится, я иногда представляю себе мрачную фигуру в черном плаще, которая очень медленно, но старательно лишает Ифрита частей тела, одной за другой, и при этом не дает ему потерять сознание.

– Понимаю, – ответил я, сочувственно кивнув. – Я бы не хотел делать поспешных выводов, но у меня есть основания полагать, что ты его не очень любишь.

– Ну почему сразу не люблю? – возмутился интендант. – Я лишь говорю, что если бы он покинул этот мир, я бы каждый

день ходил на кладбище и танцевал на его могиле. Почему это сразу должно означать, что я его не люблю?

– И то верно. Я к тебе несправедлив. Я много раз видел, как ты танцуешь на могилах людей, к которым равнодушен и даже испытываешь симпатию.

– Святая правда. – Считала улыбнулся, явно довольный собой. – Однако это не меняет того факта, что Ифрит – мудака.

Снова я кивнул, признавая его правоту, и мы погрузились в молчание, созерцая открывавшийся перед нами вид. Мы сидели на крыше заброшенного особняка Мальдолини на Речной улице. Поскольку посещение общественных мест было связано с большим риском быть зарезанным бунтовщиками, плоская и просторная крыша этого высокого здания стала излюбленным местом отдыха офицеров Седьмого полка. Отсюда можно было окинуть взглядом всю панораму города: скучившиеся вокруг массивной глыбы Цитадели высокие, аккуратные здания, принадлежавшие сановникам и богатым купцам, далее – более низкие и менее впечатляющие жилища ремесленников и мелких торговцев и, наконец, чернеющее на горизонте море темных, придавленных собственной тяжестью к земле деревянных лачуг, в которых жила беднота. Дом, на крыше которого расположились мы, по высоте уступал только городской резиденции рода ван Доррен и изящной, устремленной ввысь Цитадели, благодаря чему мы обзревали город, расходившийся кольцами, будто с

макушки пирамиды.

Предыдущие жильцы оставили особняк Мальдолини, конечно же, не добровольно, это потребовало некоторого вмешательства с нашей стороны. Дело в том, что, когда мы только прибыли в город, граф де Верде, командир гарнизона, расквартировал наш полк в Старых Казармах, ветхом здании возле Большого рынка. Выдержали мы там месяц, поскольку во время очередных вспыхнувших в Д'уирсэтхе волнений бунтовщики подожгли склад, расположенный вблизи Старых Казарм, и огонь очень быстро перекинулся на наше здание. Конечно, ситуацию быстро взяли под контроль, но Старые Казармы были настолько разрушены, что де Верде просто списал их. Граф решил проблему размещения Седьмого полка типичным для себя способом – поправ достоинство оккупированного населения. Он приказал нам выдвинуться на Речную улицу, занять монастырь, а всех монахов прогнать взащей. А так как происходило это сразу после подавления беспорядков, мы, разумеется, не встретили никакого сопротивления, ведь все жители, склонные его оказывать, уже находились либо в тюрьмах, либо на глубине нескольких метров под поверхностью свежераскопанной земли.

Вскоре оказалось, что беспорядки и пожар в Старых Казармах обернулись нам на пользу. Крыша нашей прежней квартиры имела больше дыр, чем черепицы, подвалы походили на грибные плантации, а из-за вездесущей и непреходящей влажности проживание в казармах становилось со-

вершенно невыносимым. Монастырь, напротив, предлагал вполне комфортные условия, а монахи оставили после себя полные кладовые провианта. Кроме того, монастырь располагался в самом центре плотно застроенного района, а потому нам пришлось создать вокруг него зону безопасности, иными словами выселить всех жителей из соседних домов и разместить там стражников. Вскоре мы стали считать эти здания не только форпостами, но и местами для отдыха, а самое заметное и высокое из них – особняк Мальдолини – занял офицерский корпус.

Именно об этом я размышлял, сидя на крыше в компании Считалы и наслаждаясь одним из тех редких моментов, когда дождь давал передышку промокшему городу. Из задумчивости меня вырвал какой-то шум, и я осознал, что слышу чьи-то приближающиеся шаги. Через некоторое время люк в полу приподнялся, и мы увидели мерзкую рожу Безумного Йорлана. Широко распространенная в полку версия утверждает, что от природы он был весьма привлекательным мужчиной, но страсть к взрывчатке быстро лишила его красоты. Его лицо покрывали шрамы и ожоги, а волосы со временем сильно поредели и по цвету напоминали выцветшую траву.

Он преодолел последние ступеньки, а когда вышел на крышу, оказалось, что в руках он держит полный ящик помидоров. Здесь следует подчеркнуть, что прозвище «Безумный Йорлан» он справедливо заслужил, получив его не за отдельные, не связанные между собой инциденты, а за всё свое

творчество и годы поведения, выходящего за рамки любых социальных норм. Поэтому, когда Безумный Йорлан появился на крыше конфискованного купеческого особняка с ящиком, полным помидоров, мы сочли это событие вполне естественным явлением. Правда, должно было пройти несколько лет, прежде чем наше командование окончательно оставило всякую надежду привить ему хотя бы каплю дисциплины, однако недавно всё же удалось выработать компромисс, при котором Йорлану предоставлялась свобода действий, если только они не наносят непосредственного вреда полку. Таким образом, его фактически освободили от всех обыденных правил и обязанностей, и в итоге нам пришлось создать специально для него классификацию поведения, состоящую из трех категорий. Первая включала безобидные безумства, вторая – вредные только для Йорлана, а третья – безумства, опасные для него и всех находящихся в радиусе ста метров.

Проблема заключалась в том, что Йорлан был не только полнейшим психом, но и блестящим алхимиком, что делало его самым опасным человеком в мире. В третьей категории не было ни капли преувеличения. В полку никто не забыл осады Туреана, которая, несмотря на подавляющее преимущество и неоднократные штурмы с нашей стороны, немилосердно тянулась целых семь месяцев и закончилась совершенно случайно, когда Йорлан решил, что взрывчатка – отличное средство против досаждавших нам голубей. Когда город пал, маркиз де ла Мотр, под началом которого мы в то

время воевали, наградил нашего алхимика медалью за особые заслуги, и тот был уверен, что получил свою награду за освобождение нас от несносных птиц, а не за десятиметровую дыру, проделанную в городской стене, которая позволила провести штурм.

Безумный Йорлан, разумеется, не объяснил, зачем появился на крыше здания с ящиком помидоров в руках. Объяснять что-либо было не в его стиле. Он просто стоял, ожидая, пока кто-нибудь из нас наконец не выдержит и спросит, зачем ему эти помидоры.

– Зачем тебе эти помидоры, Йорлан? – спросил я.

– Я купил их на рынке, – ответил он невинно.

– Я не об этом. Зачем тебе эти помидоры?

– Они были довольно дешевыми.

– Но зачем ты их купил? – вмешался Считала, который тоже поддался любопытству.

– А что мне еще было делать? Покупать груши? – воскликнул Безумный Йорлан. – Я ведь не извращенец.

– Что не так с грушами?

– Груши – извращение природы. Это все знают.

Мы сдались. С ним иногда лучше просто подождать. Терпение не его сильная сторона. Кстати, у Йорлана вообще не так много сильных сторон.

– Ладно, я расскажу. – Алхимик раскололся почти сразу. – Видите здание напротив? Это временный участок Городской стражи.

– Что ты говоришь? – фыркнул Считала. – А я-то думал, этот дом украшен флагами стражи, потому что его жители – ревностные сторонники общественного порядка. А так, в общем-то...

– Не прерывай, – перебил его Йорлан. – В участке есть комендант, а у коменданта есть комната на верхнем этаже. Письменный стол, за которым он работает, стоит у окна, а оно выходит в сторону здания, в котором мы сейчас находимся. Я собираюсь попасть в это окно.

Мы со Считалой переглянулись.

– Поделишься помидорами?

– Ты же не откажешь нам, правда?

Безумный Йорлан не принадлежал к тому типу людей, которые отказывают ближним в удовольствии забросать помидорами представителей местной власти, и через короткое время стена участка покраснела от мякоти, стекающей по фасаду. Расстояние было большим, и наша меткость оставляла желать лучшего, поэтому большинство овощных снарядов разбилось о стену здания, но несколько раз нам все же удалось попасть в окно. К сожалению, внутри было настолько темно, что мы не смогли увидеть эффект нашей канонады, но разъяренные крики и ругательства, доносящиеся оттуда, убедили нас в правильном выборе стратегии.

Обстрел прервал Оуанга, низкорослый чернокожий поручик роты С, внезапно появившийся из люка в крыше за нашими спинами.

– Несколько городских стражников явились ко мне с жалобой, что вы кидаете помидоры в их участок, – сказал Оуанга, с интересом изучая эффект нашей наступательной операции. – И я прибежал как можно скорее, чтобы к вам присоединиться. У вас помидоры еще остались?

– Конечно, держи. – Считала вручил ему особо крупный экземпляр.

– Кстати, – добавил поручик, отправляя снаряд в здание Стражи – Исевдир, Ника хочет тебя видеть.

– Черт возьми. Насколько сильно? «Заходи, как будет времечко» или «Для твоей задницы будет лучше, если ты не заставишь меня ждать»?

– Это каким-то образом связано с Ифритом, так что второй вариант. – Оуанга лучезарно улыбнулся, когда очередной брошенный им помидор попал прямо в открытое окно.

Я снова выругался и начал собираться. Спускаясь по лестнице, услышал голос Считалы:

– Я считаю, что Ифрит производит очень приятное впечатление, если закрыть глаза на то, что он настоящий ублюдок.

* * *

Да, да, я знаю, что вам хотелось бы узнать побольше о Ифрите, но всё по порядку. Я до него дойду, но сначала должен рассказать об Олухе. По-настоящему его звали Жанфранко

Лаццала, он был старшим сержантом Восьмого кавалерийского полка в эрейской армии, а его огромная башка таила в себе интеллектуальный потенциал переваренной цветной капусты. Разумеется, он не знал, что все зовут его Олухом. Не знаю, упоминал ли я об этом раньше, но Лаццалу отличали высокий рост и крайне ограниченные мозги. Таких людей лучше обзывать шепотом и за глаза. А лучше всего – в мемуарах, спустя долгие годы.

Как так случилось, что гроза конских хребтов оказался в кавалерии и каким чудом ему удалось там остаться, я не в состоянии объяснить. Я никогда не видел Олуха на коне, и мне трудно представить животное, достаточно крупное для его веса. Я также не слышал, чтобы кто-либо в армии когда-либо видел, как он ездит верхом. Покопавшись в памяти, я вспомнил только одну историю, в которой Лаццала имел дело с лошадьми. Если верить этой байке – а рассказал мне ее, к слову, довольно сомнительный источник, пьяный конюх из армейской конюшни, – Олух был единственным человеком, которому случилось полягаться с лошадю и выиграть. Я почти уверен, что это полнейшая чушь, но, уверяю, если бы вы хоть раз лично увидели сержанта, вы бы допустили такую возможность. Однако независимо от того, ездил он верхом или передвигался пешком, делал он это чертовски быстро. Если где-то в провинции надо было набить кому-то морду, сжечь мятежную деревню или конфисковать имущество бунтовщиков, Лаццала всегда оказывался на месте первым.

Матери в Каэллархе пугали им своих детей, а эрейские офицеры ставили его в пример своим солдатам.

Я рассказываю вам о нем потому, что, спустившись с крыши, у входа в особняк Мальдолини я наткнулся на небольшое сборище, которое навскидку можно было поделить на три группы. Первую составляли несколько разъяренных городских стражников, громко требовавших прекращения нашей овощной бомбардировки. Вторая состояла из трех часовых Седьмого полка, вяло, но стойко удерживавших разгневанных стражников от совершения какой-нибудь глупости. Третью, самую большую, хотя и единоличную группу составлял сам Олух.

Едва я появился в дверях, стражники, сразу узрев источник всякого зла, направили весь свой гнев на меня и принялись орать что-то невразумительное. Олуху, по-видимому, тоже было что рассказать.

– Норгаард! – проревел он, перекрыв голосом жужжание стражников. – Иди сюда, дело есть.

Я уже говорил, что Олух был сержантом, а я поручиком? Конечно, мы служили в разных подразделениях, но такой тон был неприемлем, несмотря ни на что. Однако Лацца-ла был не просто сержантом. Он был Олухом, а этот ранг в неформальной иерархии превосходил многие офицерские звания.

– Я вижу, ты долго меня ждал, – спокойно ответил я. – Тогда я дам тебе аудиенцию.

На лице Олуха появилось выражение, которое можно было охарактеризовать как удивленное возмущение. Это обычно случалось, когда он не был до конца уверен, не издевается ли кто-нибудь над ним. Игнорируя орущих стражников, я подошел к нему поближе.

– Если снова речь пойдет о мануфактуре на Широкой...

– Чего? – удивился Олух, и я сразу представил, как медленно начали вращаться шестеренки под его черепом. – Нет, речь не об этом. У вас есть кое-кто, и он – мой!

Один из стражников явно не собирался уважать конфиденциальность нашей беседы и подошел вплотную, вероятно, с намерением высказать мне свое мнение о нашем поведении. Олух, которому и так нелегко давалась членораздельная речь, не любил, когда кто-то затрудняет его усилия и отвлекает своим перемещением. Он развернулся к стражнику и издал протяжный, предупреждающий рев. Истинно животный, атавистический характер подобного поведения подействовал более эффективно, чем какие бы то ни было слова или отсылки к воинскому званию. Самый крупный самец в стае только что показал другой особи, где его место. Стражник повернулся и ретировался в участок, ни разу не оглянувшись. Его товарищи еще мгновение колебались, оглядывались по сторонам, будто оценивая свои силы, а затем последовали примеру коллеги.

– Я вижу, что ты относишься к Страже с такой же симпатией, как и я, – обратился я к Олуху непринужденным тоном.

– Все стражники – придурки, – ответил он красноречиво.

Здесь стоит заметить, что сбежавший в ужасе стражник был на полголовы выше меня, а это значит, что я, по сравнению с Олухом, вообще выглядел карликом и не чувствовал себя комфортно в его компании. Разумеется, я не собирался ему это демонстрировать, хотя сомневаюсь, что Лаццала купился на мою напускную уверенность.

– Чем могу помочь, друг мой? – я спросил, глядя куда угодно, только не на Олуха. Чтобы смотреть ему в глаза, мне пришлось бы, как идиоту, постоянно задирать голову вверх, а это лишило бы меня остатков достоинства.

– Ротхар. Мне нужна его голова.

– Я знаю об этом уже месяц. А ты все это время знаешь, что он нам нужен.

– Не нужен. Он уже сказал, что знает. Я хочу его.

– Однако многие жители по-прежнему доверяют Ротхару и передают ему много ценной информации. Твоя ненависть к нему играет здесь немалую роль. Ты проделал большую работу, сообщив всем, кто хотел услышать, что мечтаешь убить его, и теперь людям трудно поверить, что Ротхар может быть нашим информатором. Вообще-то я должен поблагодарить тебя, из-за твоих угроз в его адрес Ротхар стал нам чрезвычайно полезен.

– Дайте его мне, или я сам возьму.

– Вот это вряд ли. Тебе известно, что Ротхар находится под нашей защитой, и об этом также знает твой командир. Но

обещаю, как только Ротхар перестанет быть нам полезным, мы предоставим его тебе на блюдечке, и ты сможешь сделать с ним все, что захочешь.

– Не. Люблю. Ждать.

– Я в этом не сомневаюсь. И всё же ты не получишь Ротхара, пока мы с ним не закончим.

Олух взревел снова, но уже как-то без энтузиазма. Потом пожал плечами, кинул на меня зловещий взгляд и удалился, не попрощавшись. Я обернулся в сторону часовых, которые все это время стояли непоколебимо, охраняя вход в особняк. Я собирался задать им пару вопросов, но, взглянув в их лица, передумал. Эти ребята не испытывали ко мне в этот момент особой симпатии. Им пришлось сдерживать разъяренных стражников, пока офицеры наверху развлекались метаением помидоров.

Мне было немного стыдно за свое безответственное поведение, но я не сомневался, что окажись у меня в руке помидор, я бы кинул его в участок. Однако, поскольку я уже исчерпал выделенный мне запас овощных снарядов, не осталось ничего другого, как отправиться на встречу с Никой. Я шел легким шагом, чувствуя себя прекрасно в новых ботинках, которые пару дней назад я выиграл в карты у Гиены. Я нагло жульничал во время игры, и от этого мое новое приобретение казалось еще удобнее.

По дороге я размышлял над нашими сложными взаимоотношениями с Городской стражей. С виду может показаться,

что Стража, Седьмой полк и эрейская армия образуют единый фронт, но это, конечно же, видимость. В действительности раздел проходил по четко очерченной линии: местные – чужие, или точнее: оккупированные – оккупанты. Наш полк и эрейская армия, как подразделения, состоящие из людей, родившихся за пределами Каэлларха, составляли ино-родное тело, оккупационные войска. В свою очередь, Городская стража, хотя и оставалась под контролем губернатора и сотрудничала с оккупантами, состояла только из местных, а ее офицерский состав традиционно происходил из богатых мещанских семей Д’уирсэтха, те же были сердцем и кошельком сопротивления. Королевские войска, разумеется, вербовали в родной Эрее, и если в Каэллархе и проводился какой-то призыв, то таких новобранцев отправляли на противоположный край Королевства, чтобы избавить от соблазна присоединиться к восстанию.

Как в губернаторском дворце, так и в Цитадели, где размещался Генеральный штаб графа де Верде, прекрасно понимали, что Городская стража представляла собой многочисленное, хорошо организованное и вооруженное подразделение, которое в случае начала восстания без колебаний выступит против эрейской администрации. Вы спросите, почему же тогда Стражу не разогнали на все четыре стороны? Из политических соображений, разумеется. Долгое время губернаторский дворец проводил мягкую политику и даже предоставлял местным ограниченную автономию. Ключ-

чевым принципом этой политики было сохранение правоохранительных служб в руках туземцев. Из этого вытекали два очевидных преимущества: местные жители меньше хорохорились, если их арестовывал земляк, а эрейской армии не приходилось тратить много времени на отлов мелких ворюшек и изгнание бродяг, что позволяло им полностью сосредоточиться на своем истинном назначении, то есть на политических преследованиях. Все выигрывают, не так ли? А как быть с тем, что в случае бунта Стража может представлять большую опасность для королевской администрации? Во дворце губернатора никто всерьез не рассматривал возможность восстания, полагая, что уступки, на которые они согласились, полностью удовлетворят население. В Цитадели же относились к проблеме иначе. Граф считал, что всеобщий мятеж – лишь вопрос времени, и уже разработал сценарий усмирения Городской стражи на случай возникновения каких-либо тревожных сигналов. Де Верде всегда предполагал худшее. Я очень ценил это его свойство.

– Ника ждет тебя, – вырвал меня из раздумий чей-то голос.

Я поднял голову. Это был Винон, человек из моей роты, которого как раз поставили в караул у монастырских ворот. Я так углубился в свои размышления, что совершенно перестал обращать внимание на то, что вокруг меня происходит, и даже не заметил, как прибыл на место. Такое поведение чревато. Теоретически я находился в безопасной зоне, кон-

тролируемой полком, но так недолго выработать у себя дурную привычку. А потом человек даже обернуться не успеет, как получит ножом под ребро, возвращаясь в казарму из борделя.

– Знаю, – бросил я Винону в ответ и прошел через ворота.

– Уже довольно долго ждет! – услышал я вслед. – Не думаю, что ей это понравится.

Я не удостоил его ответа. Быстрым шагом преодолел двор, где сучающие бойцы готовились к тренировкам, и вошел в здание, кивком головы на ходу поприветствовал часовых. Идти было недалеко. Если полковник устроил себе кабинет в самом труднодоступном месте монастыря – на вершине южной башни, то капитан предпочитала сидеть как можно ближе к повседневной суете и выбрала себе в качестве кабинета келью, прилегающую к главному залу. Перед ним, как обычно, царил суета, из-за поставщиков Считалы, пополнявших запасы нашего подразделения. Обогнув снабженцев, втаскивавших какое-то военное снаряжение, я пересек зал по диагонали и ввалился без стука в занимаемую Никой каморку.

Капитан приготовилась к моему приходу – иными словами, заранее изобразила на лице гримасу недовольства. Она сидела, откинувшись на спинку стула, а ноги в высоких сапогах для верховой езды положила на стол. На ней был легкий доспех, которого она никогда не снимала, а черные волосы, в последний раз распущенные, наверное, в лет десять, были стянуты в конский хвост. Она была вторым по важно-

сти человеком в полку и правой рукой полковника, и в круг ее обязанностей входило регулярно задавать перцу и намыливать холку мне и другим офицерам.

– Есть ли смысл спрашивать тебя про закиданный помидорами участок Стражи? – спросила она, как только я переступил порог.

– Мне ничего об этом неизвестно, – ответил я с невинным видом. – Но это звучит как начало хорошей истории, я с удовольствием узнаю больше.

– Не серди меня, Ис, – предупредила Ника. – У нас сейчас другие большие проблемы, но если ты такой хитрец, то получишь по заслугам за эти помидоры.

– Какие еще помидоры?

– Хватит, – жестко отрезала она. – Сегодня ночью тебе предстоит работа. Мы наконец узнали, где прячется алхимик Варак.

– И кто его нам выдал?

– Ты сам прекрасно знаешь.

– Ифрит.

– Перестань кривить физиономию, Ис. Он говнюк, но полезный говнюк. Во всяком случае, он выдал нам местонахождение Варака, благодаря чему мы как никогда близки к Кругу.

– Где?

– Заброшенный склад на Окольной улице. Штаб де Верде предоставил нам чертежи здания, подвалы склада соединя-

ются с соседним борделем. Ты возьмешь десяток своих людей. Четверо останутся на улице, у входа на склад, остальные пойдут с тобой через подвалы. Я надеюсь, мне не надо напоминать, что Варак нужен нам только живым.

Я открыл рот, чтобы прокомментировать план Ники, но она тут же меня прервала:

– Если ты хочешь вставить какой-нибудь глупый комментарий о том, как провести ударную группу в бордель, то лучше лишний раз подумай.

Я закрыл рот и отказался от комментариев.

– Что-то еще? – спросила она.

– Если мы собираемся поймать алхимика, нам бы пригодился кто-нибудь, кто знает их штучки и сможет обнаружить ловушки, прежде чем мы на них наступим.

– Ты не получишь Йорлана.

– Мы бы уменьшили риск потерь...

– И не думай, – повторила капитан. – Это должна быть тихая и чистая операция, а где Йорлан, там взрывы. – Она сложила развернутый на столе план здания в рулон и протянула его мне. – Давай, иди, собирай людей. У тебя всего несколько часов на подготовку.

Инструктаж Ники никогда не занимал много времени. Она рассчитывала на нашу самостоятельность в мышлении. Не могу сказать, что этот метод приносил однозначно положительные результаты.

Я встал и двинулся к выходу.

– Еще одно, Ис.

Ну да, конечно.

– Никаких ошибок. После резни в аптеке Шлика мы больше не можем позволить себе потерь.

– Эта операция изначально была провальной! Как я мог избежать потерь, если все здание кишело...

– Именно поэтому я отправила туда именно тебя, а не какого-то сержанта. Я хотела, чтобы группой командовал кто-то, способный шевелить мозгами.

– Раз уж речь зашла о Шлике, то после чьего сообщения нас туда отправили? После вести от Иффрита. И вот сейчас мы опять собираемся...

Иффрит и его сомнительная лояльность – это моя проблема. Сосредоточься на том, чтобы вернуться сюда с Вараком и отрядом в полном составе.

– Большинство из нас считает, что Иффрит...

– И именно поэтому вам не доверяют более ответственных заданий. Ну, чего ты ждешь? Если хочешь изложить еще какие-то мысли, начни писать мемуары.

* * *

Покинув келью Ники, я заглянул в монастырскую кухню, откуда стащил кусок подозрительно пахнущего сыра, и вышел во двор, где залез на козырек пристройки. Отсюда я мог свободно наблюдать маневры моей роты, которая выполняла

на плацу одно из бессмысленных строевых упражнений, которые Ника ввела, «чтобы у бойцов не оставалось времени на глупости». Они устраивались регулярно, но лично я проводил их только один раз, пока не догадался свалить всю работу на сержантов. К сожалению, это означало, что сейчас ничто не отвлекало мое внимание от неприятного запаха еды, попавшей на кухню, по-видимому, благодаря какому-то «выдающемуся» повару, неспособному отличить сыр с плесенью (местный деликатес) от заплесневелого сыра. Впрочем, первый я тоже считаю отвратительным – только в этой проклятой земле вечной сырости нечто, содержащее слово «плесень» в названии, может считаться съедобным. Впрочем, это не мешало мне глубоко восхищаться этим безвестным гением, который однажды взглянул на свой склад, полный испорченных молочных продуктов, и подумал: «Наверняка же есть какой-то способ убедить людей купить эту мерзость». Итак, я удобно расположился на козырьке, прислонившись спиной к стене, ел сыр, периодически задерживая дыхание и всячески стараясь на него не смотреть, и обдумывал трудные для себя решения, которые мне предстояло принять.

Дорогие мои читатели, попробуйте представить себя в моем положении. Посидите со мной на козырьке этой разваливающейся конуры, погрызьте кусочек сыра, который слишком долго пролежал в сыром монашеском подвале, прежде чем попасть на кухню, и представьте себе, что из банды, шагающей перед вами строем, вы должны выбрать десять чело-

век, которых возьмете с собой на выполнение сложного задания. При этом учтите, что в данной гипотетической ситуации вы командуете ротой Е, которая по идее должна насчитывать сотню бойцов, но редко бывает полностью укомплектована. Прямо сейчас, когда вы сидите на козырьке и, зажимая нос, силитесь сдержать рвотные позывы, вызванные запахом сыра, у вас под началом пятьдесят человек, из которых лишь тридцать внушают доверие, двадцать в меру компетентны, а трое достаточно умны, чтобы не требовать над собой постоянного контроля. Эти трое – ваши сержанты: Чи, Цефель и Зелёный, которые носятся вдоль шеренг и наводят дисциплину среди строптивых бойцов. Я уверен, что вы, будучи людьми весьма наблюдательными, не могли не заметить, как при каждом новом маневре Цефель и Зеленый поглядывают украдкой в сторону Чи и не столько отдают распоряжения своим подразделениям, сколько повторяют ее жесты и команды. И когда вы увидите, как изящная сержант точным пинком ставит в стойку смиренно двухметрового остолопа, у вас не останется сомнений, без кого вам никак не обойтись.

Вы должны знать, что Чи родилась по другую сторону Пограничных гор и была низкой, косоглазой девушкой с поразительно мощным голосом. Она так плохо владела мечом, что представляла ббольшую угрозу для себя, нежели для противника. Вместе с тем она отличалась блестящим умом, благодаря чему ее авторитет среди бойцов роты Е был неизмеримо выше, чем у кого-либо другого, включая меня. Иными

словами, она, как и я, восполняла свои физические недостатки интеллектом, и я убежден, что когда мои сомнительные решения приведут меня наконец в могилу, Чи станет великолепным командиром роты Е.

Сдержите рвотный рефлекс, мои дорогие читатели, и проглотите еще один кусочек сыра, а затем обратите внимание на этого бледного заморыша, который практически засыпает стоя, несмотря на всеобщую суматоху вокруг. Даже с такого расстояния вы наверняка сможете заметить, что, даже засучив правый рукав, так что видна полковая татуировка, свою левую руку он прячет под черной, идеально подобранной перчаткой. Это Инацио Ферранте да Лавес, или просто Ферре. Вы, возможно, слышали о нем как о легендарном фехтовальщике, знаменитом на весь Континент. Нет, он не был по рождению воином, нечеловечески быстрым и опасным. Ферре мог вырасти ленивым и избалованным аристократом. Однако в подростковом возрасте принял лучшее решение в своей жизни и продал душу демону в обмен на невероятное мастерство фехтования. Будучи решительным материалистом, Ферре утверждал, что душа – это миф и порождение наивных фантазий, а потому без малейших колебаний и с большим охотой он продал ее, чтобы стать непревзойденным фехтовальщиком. В результате после сделки получил клеймо демона, из-за чего его левая рука стала синей и холодной, как у трупа. Ферре, отличавшийся практичностью, с той поры стал постоянно носить кожаную перчатку,

но при этом ни разу не усомнился в полезности совершенного обмена. Его однополчане, также не отличавшиеся особой духовностью, были полностью согласны с его умозаключениями и рассматривали подписанный им контракт как самую односторонне выгодную сделку в истории. Сам демон иногда любил навещать Ферре, зловеще хохотал из тьмы или ни с того ни с сего трубным гласом возвещал: «Ты принадлежишь мне!» – на что тот ему отвечал выставленной фигой или каким-либо иным, более вульгарным жестом. И вы, верно, согласитесь со мной, если я скажу, что, хотя не считал себя вправе осуждать своего подчиненного за его демонические связи, но и упустить возможность воспользоваться его уникальными способностями я тоже не мог.

Не забывайте также, мои внимательные читатели, что вам скоро придется тащиться посреди ночи в город, жители которого искренне вас ненавидят, а последняя такая операция закончилась кровавым месивом в тесном пространстве, когда на вас внезапно напала банда фанатиков Круга в звериных масках. Учитывая этот опыт, я бы не удивился, если бы ваш взгляд выцепил в шеренге две внушительные фигуры – Угх и Губку. Угх, двухметровая и чертовски сильная чернокожая женщина, самым удивительным образом сочетала в себе чуткую и милосердную натуру и убийственный, животный инстинкт. Губка же, превосходивший ее и в росте и в ширине плеч, обладавший такими атрибутами, как светлая борода до пояса и огромный топор за спиной, более на-

поминал языческого бога народов Севера, нежели простого смертного. Губку на самом деле звали Ваширх Хаймоэлт, и, как явствует из фамилии, он был в полку единственным, помимо меня, выходцем из страны вечной зимы на севере Другого Берега. Благодаря происхождению мой авторитет в глазах Губки был даже выше, чем у Ники или полковника. Прежде он служил в роте С поручика Оуанги, но из-за своего гребаного расизма отказывался выполнять приказы черного командира. Поэтому его перевели в мою роту Е, и с тех пор, по возможности, он воздерживался от выражения презрения к другим расам. Отдавая себе отчет в том, какое культурное многообразие царило в моем подразделении, я опасался, что рано или поздно здесь прольется кровь, однако до сих пор мне удавалось держать эту банду под контролем, хотя, по правде, заслуга в этом принадлежала исключительно Чи. Несколько лет назад, когда она выбилась в сержанты и Губка узнал, что ему предстоит ей подчиняться, он несколько дней подряд язвил и жаловался всем, что вынужден исполнять приказы представительницы «слабой расы». Вскоре после этого несколько бойцов видели, как Губка выходит из квартиры сержанта со слезами на глазах, и с тех пор он безоговорочно ее слушался. В роте тогда возникло много гипотез, и почти все они так или иначе ссылаются на сверхъестественные силы.

И в самом конце, с трудом проглатывая последний кусок желто-зеленой снеди, вы можете столкнуться со следующей

дилеммой: что для вас важнее, высокие навыки фехтования или же наличие хотя бы остаточного количества здравого смысла? Если в сложившейся ситуации вы сочли здравый смысл второстепенным, то я полностью с вами согласен, и потому, выбрав еще четверых надежных и заслуживающих доверия людей, я поручил Чи позвать также Гиену и Паршу, которые тогда получили выговор и потому стояли в карауле возле Навозной кучи, где весь полк удовлетворял свои физиологические потребности. Эта парочка умудрялась попадать в неприятности при выполнении простейших заданий и не могла сохранять хладнокровие даже во время полдника, но они были двумя лучшими мечами в роте (помимо Ферре, относившегося к совершенно иной категории). Их достоинства как охранников оценивались весьма неоднозначно, поскольку для своих братьев они представляли большую угрозу, чем любой враг. Они хватались за оружие по любому поводу, и если начинали рубиться, то остановиться уже не могли. Не нужно быть провидцем, чтобы предсказать, что причиной смерти этой парочки станет не старость, не солдатские харчи и не болезни, а собственная глупость. Ну, ладно, возможно, я немного преувеличил. Опираясь на статистику, можно с большой долей вероятности предположить, что по крайней мере один из этих придурков умрет от паскудной жратвы, прежде чем его убьет собственная некомпетентность. До сего времени мне приходилось постоянно приглядывать за ними.

– Эта наводка пришла от Иффрита? – спросила Чи. – Откуда нам знать, что это не ловушка?

Я как раз завершал последние приготовления в своей келье, когда сержант заглянула ко мне. Она была уже полностью готова к выдвижению и держала в руках легкий арбалет. Чи знала свои сильные и слабые стороны, а потому никогда не предпринимала серьезной попытки освоить ближний бой, вместо этого сосредоточившись на совершенствовании навыков стрельбы. Она, конечно, носила короткий меч на поясе, но в основном напоказ.

– Глупый вопрос, – ответил я, подбирая легкий доспех, состоящий из нагрудника и латной юбки. – Конечно, никакой уверенности нет.

– Ты неправильно меня понял, – заволновалась Чи. – У нас много доносчиков, которым мы по праву не до конца доверяем. Но о Иффрите мы точно знаем, что он продает информацию обеим сторонам, и несмотря на это вечно тащимся туда, куда он нас отсылает. Когда-нибудь мы точно спалимся.

– Ника отвечает за него. Пока он нас не подставил, и, по мнению госпожи капитанши, он прекрасно понимает, что, попытайся это сделать, Седьмой полк повесит его за яйца.

– Я не верю, что Иффрит способен рационально оценивать свое положение. Если бы он действительно боялся столкно-

вения с опасными людьми, то не сотрудничал бы со всеми сторонами конфликта. Все знают, что он продажная тварь, и это только вопрос времени, когда какая-нибудь из сторон потеряет наконец терпение и грохнет его. Но Ифрит, кажется, не понимает, что его поведение может повлечь неприятные последствия.

– К чему ты клонишь? – спросил я с раздражением. – Ты пытаешься убедить меня, что Д’уирсэтх стал бы приятнее, если бы эту гниду нашли в сточной канаве с перерезанным горлом? Я уже на твоей стороне. Но всё дело в Вараке. Ника ухватится за любую зацепку, которая приведет ее к нему, независимо от источника информации. Она готова жертвовать всей нашей ротой, чтобы найти того, кто приведет ее к Кругу.

Чи надулась, а потом неохотно сменила тему.

– Я так понимаю, что мы принципиально отказываемся от анонимности во время этой операции?

– Нет никакого смысла переодеваться, если мы берем Угх и Губку с собой. С тем же успехом мы могли бы петь гимн полка, прогуливаясь по улицам. Никто из местных не поверит, что мы свои. Но группа наемных солдат, входящих в бордель, никого не удивит. А потом мы вышибаем дверь, выбиваем всё дерьмо и тащим пленника из логова.

– Тонкий план. Но насколько я помню, сила никогда не была лучшим решением.

– Кто бы это ни сказал, силы у него не было.

– Это ты сказал, три дня назад.

– Всё верно. Я не специалист по силовым решениям, – признался я, немного смутившись. – Для этого у нас есть Угх и Губка.

Чи иронически улыбнулась, играя с ожерельем, представлявшим собой нечто вроде переплетенного щупальцами глаза.

– Что это? – спросил я, чтобы сменить тему.

– Символ чего-то, во что я уже давно не верю.

– Бога с твоей родины?

– Что-то вроде этого, – смущенно ответила Чи. – Бог – это плохое слово. По другую сторону Пограничных гор мы не верим... люди не верят в богов, в таком понимании, как здесь. Там совершенно отличное от вашего представление о божественной сущности. Даже выражение «тварь божья» вводит в заблуждение. Все ваши религии упорно придают богам человеческий облик. И даже если некоторые религии по эту сторону гор признают невидимых и непознаваемых божеств, их все равно воспринимают в человеческих категориях, приписывают им намерения, замыслы и прихоти. Люди с той стороны верят во что-то менее... личностное.

– Я понимаю.

– Ты не понимаешь. Я тебе вообще ничего не объяснила. В этом языке нет соответствующих понятий. Даже моим родным языком это очень трудно выразить. Впрочем, – она отмахнулась и спрятала ожерелье под рубашку, – про-

шло слишком много времени. Сейчас я и сама уже мало в этом смыслею.

Это то, под чем и я мог бы подписаться. Любой член полка мог бы.

Герард, наш полковник, презирал любые символы, как религиозные, так и сентиментальные, но никогда не запрещал бойцам их носить. Этого и не требовалось. Только новобранцы выставляли напоказ цацки, выдававшие их происхождение или религию. Через несколько лет они всё выбрасывали и оставляли на своем теле только один символ: татуировку кусающей змеи, которая обвивалась вокруг правой руки. Было это, впрочем, вполне понятно. Служба в полку бросала людей во все новые и новые, неизвестные земли, где к ним относились как к пришельцам, оккупантам, захватчикам, даже если наниматель полка утверждал, что эти владения юридически ему принадлежат. В постоянной атмосфере чужеродности и угроз, в отрыве от семейных традиций старые верования теряли свою силу. Боги детства, прежде такие могущественные, казались смешными в этих непонятных странах, где их не только не боялись, но даже ничего о них не слышали. Когда тебя окружают чужаки, которые могут предательски ударить в спину или перерезать во сне горло, кто защитит, как не товарищи из отряда? Кому еще можно доверять, на кого полагаться? И так постепенно новобранец, обвешанный побрякушками, с завязанным на шее цветным платком, превращается в облаченного с ног до головы в чер-

ный полковой цвет ветерана, входящего в трактир с закатанным правым рукавом, чтобы все гости знали, кто за ним стоит и кто сожжет всю эту деревню, если хоть волос упадет с его головы.

Чи вышла, а я последовал за ней, поверх нагрудника натянув куртку с вышитыми символами полка на плечах. Я не собирался добровольно подставляться, потому мой наряд был лишен каких-либо отличий, выдающих офицерское звание. Не было в нем также ничего, что напоминало бы мне о стране, где я родился. Каждый элемент моего снаряжения и одежды попал ко мне непосредственно со склада Считалы.

* * *

Мы выдвинулись вскоре после наступления темноты. Прятаться от глаз прохожих не стоило, в это время в Дурсэтхе военных патрулей было больше, чем мирных граждан, и еще один марширующий отряд не привлекал внимания. Когда добрались до места, нам все же пришлось остановиться, так как из борделя как раз вывалилось несколько пьяных эрейских солдат. Теоретически мы были союзниками, но «настоящие эрейцы», особенно после нескольких кружек пива, любили показывать наемникам, где их место, и последнее, что нам нужно было в этот момент, так это случайная драка. Я быстро отвел отряд вглубь улицы, по которой мы пришли, а сам занял позицию на перекрестке, в те-

ни уличного указателя, где наблюдал, как солдаты медленно выползают из здания. Табличка над моей головой сообщала, что мы находимся на пересечении улиц Окольной и Отшибной. По указанию губернатора все названия улиц обозначались на двух языках – эрейском и местном. Мы для собственного удобства всегда пользовались эрейскими названиями, но они были лишь более-менее удачным переводом с местного наречия. И если в центре города, в районе, хорошо знакомом губернаторским чиновникам, переводы были, как правило, точными и содержательными, то на окраине, в бедных кварталах, топонимы звучали более... абстрактно. Трудно сказать почему: то ли на улицы похуже отправляли менее талантливых переводчиков, то ли так проявлялась злобедность местных жителей. Классическим примером служила улица Благоухающего Угря, расположенная возле рыбного рынка, где у мелких торговцев можно было на свой страх и риск купить рыбу разнообразной свежести.

Королевские солдаты, еле держась на ногах и матерясь, наконец скрылись в дальнем конце Окольной улицы, и я дал знак своим начинать наступление. Чи и трое наших бойцов заняли позицию у входа на склада, а я и остальные шестеро вошли в бордель. Заведение было первоклассным, от самых дверей нас окружили потрясающие интерьеры, дурманящие запахи и звуки, как издаваемые музыкальными инструментами, так и более физиологической природы. Я почувствовал, что уровень концентрации моих людей катастрофиче-

ски падает.

Почти сразу к нам подскочила мадам, чрезмерно накрашенная и полноватая дама в летах.

– Ах, добро пожаловать, добро пожаловать, храбрые воины, – слащаво закудаhtала она. – Мы очень любим такие групповые визиты. Чем могу служить?

– Мы собираемся спуститься в подвалы, – сообщил я.

– Хорошо. Но за извращения придется доплатить.

Я на мгновенье опешил. Парша за моей спиной начал хихикать.

– Я имею в виду в прямом смысле подвалы, под этим зданием, – объяснил я, пытаясь сохранить серьезный и грозный вид. – Нам надо через них пройти.

– Боюсь, что это невозможно. – Мадам покачала головой. – Эти помещения в настоящее время используются нами довольно... интенсивно.

– Кажется, мы не поняли друг друга, – сказал я ледяным голосом. – Это не просьба.

Мадам кивнул вышибале, который из угла прислушивался к нашему разговору.

– Гиур, дорогой, покажи нашим гостям, где находится выход.

Громила сделал шаг вперед, но, прежде чем он успел что-либо предпринять, Ферре уже возник возле него. Я едва уловил его движение – вот блеснул нож, и поток крови хлынул из шеи вышибалы. Через мгновенье боец уже стоял на преж-

нем месте, спокойно вытирая нож, а Гиур с перерезанным горлом истекал кровью на полу.

– Посмотри на нас внимательно, – обратился я к перепуганной мадам. – Подумай хорошо, ты точно хочешь снова нас выдворить? Потому что независимо от того, сколько у тебя еще таких головорезов, в конце этой истории твой труп будет болтаться на фонарном столбе. А теперь веди нас в подвал, мы сделаем свое дело, и ты никогда нас больше не увидишь, разве что кто-то из нас захочет кого-нибудь тут отыметь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.